

Дария Каравацкая

Некрополь года

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Военное кладбище на улице Козлова — один из старейших некрополей Минска, возникший в XIX веке у военного лазарета. Под сенью храма Александра Невского, построенного в 1896–1898 годах как памятник воинам Русско-турецкой войны, покоятся солдаты, офицеры и горожане разных эпох. Узкие аллеи, старые деревья и потемневшие надгробия создают особую мрачную атмосферу в самом сердце города.

Альберт Петрович проиграл. Драгоценный титул «Некрополь года» ушел к пареньку из Северного всего лишь за свежие дорожки, выбеленные мраморной крошкой. А следом вдобавок история приключилась, и совершенно не вовремя...

Начиналось все как обычно. Собрание зрителей под видом поминального обеда выдалось утомительным и разочаровывающим. Обсуждалось вечное: у кого захоронили должителя, где самая ухоженная калитка, у кого реже прочих на поминки «опять никто не пришел», где нынче статуи помпезнее. После, за киселем с творожным кремом, подвели итоги. И переходящий титул, увы, уплыл из рук Альберта Петровича.

Возвращался зритель на свое Военное кладбище на Козлова пешком через весь Минск. В руках он нес пустую, но от этого не менее отягощающую папку с отчетностью. Титул был утерян. Двенадцать лет победной поступи — и вот такой шелчок по носу. Город вокруг сиял, жил, торопился, но внутри гудела только одна простая обидная мысль: столько лет, а оказалось — какие-то свежие дорожки одним махом решают все.

Само кладбище в предвечерних сумерках встретило его молчаливым, строгим спокойствием. Фонари, зажженные позже срока, — экономия! — отбрасывали на тропинки длинные зыбкие тени, в которых знакомые каменные стражи обретали таинственные, чуть укоризненные очертания. Здесь все было на своих местах: и ряды солдатских плит, строгих, как шеренги, и почтенные надгробия профессоров и ученых, и тишина, густая, почти осязаемая, прерываемая лишь скрипом трамваев за оградой

да редким карканьем воронов. Рутина. Вечная, умиротворяющая рутина. И лишь в сердце Альберта Петровича копошился червь досады.

На пороге красного административного домика, больше похожего на сторожку, поджидал старший охранник Юра, пропахший табаком, сканвордами и ночным растворимым кофе.

— Альберт Петрович, — Юра не смотрел в глаза, что уже было дурным знаком, — тут у нас... мадам одна...

— Какая еще мадам? — отозвался смотритель, снимая пальто и водружая его на вешалку. — Опять репортеры? Говорил же, без моего позволения...

— Да не. Посетительница.

— Вот те на! Посетительница на кладбище! Ну диво дивное... — Альберт Петрович к этому моменту совершенно разозлился и, взмахнув руками, бухнулся в кресло у окна. — Юр, я сейчас сяду на коня*, ты давай-ка выкладывай, не тормози.

И охранник, коверкая слова, сбиваясь и покашливая, изложил суть. Девушка лет тридцати, не более, приходит вечерами раз в три-четыре дня. Одевается «не по-здешнему». Не буднично, не траурно, а словно на премьеру в театре: воздушные платья, жакеты, туфли на тонких каблучках. Ходит не спеша по центральной аллее, что ближе к храму, а потом ныряет в сектор левее, к могилам творцов. А вернее, непременно идет к одной и той же. И если после подойти туда, можно уловить шлейф дорогого цветочного парфюма, который совершенно не вяжется со здешним запахом ладана и влажной земли.

* В Беларуси выражение «сесть на коня» используется в значении «разозлиться, выйти из себя». Конечно, даже во время такого происшествия вы можете «быть на коне». *Здесь и далее примечания автора.*

— Куда именно она ходит? — нахмурился Альберт Петрович, мысленно пробегая по списку тех усопших, чьи имена все еще гремели в памяти народа.

— К одному автору...

— Якубу Коласу? Янке Купале? Может, Кузьме Чорному?

— Мимо...

— Юра! — Альберт Петрович ощутил, как желваки болезненно напряглись. — Что за мадам, куда ходит, ну?

— К какому-то... Владимиру Хутко-Зничке. Вроде поэт. Помер в позапрошлом веке. Никто к нему не ходил, да и разве слышал о таком?

Альберт Петрович замер. Если в его бесценном некрополе завелась какая-то щеголиха, вычурно навещающая забытого поэта, это явно издевка судьбы. Горькое предчувствие сжало его изнутри. Сложно было объяснить, но он чувствовал, как история, пахнувшая скандалом и насмешкой, уже ступила на его мшистые дорожки и направлялась напрямиком к заброшенному камню с полустертой эпитафией. И остановить ее, если верить предчувствию, будет куда сложнее, чем выиграть какие бы то ни было игры.

— Так, давай... Повтори-ка все заново, обстоятельно, — сказал Альберт Петрович, тяжело вздыхая и подмечая краем глаза на столе свежие сметы на покраску оград. — Без твоих «странно» и «не по-здешнему». Что делает, куда смотрит. Если вся ее «странность» сводится к каблукам и визиту к поэту, ты свободен.

Юра неуклюже придвинул стул и опустился, по старой привычке откашлявшись хорошенько.

— Вид, Петрович, самый что ни на есть благородный. Лицо светленькое, не заплаканное. Спокойное такое. Идет не спеша, будто по парку. Одета, как я уже говорил, модненько так, со вкусом. — Юра сделал паузу и твердо продолжил, хотя всплывший румянец выдавал его страх показаться глупцом и выдумщиком: — И каждый раз идет

напрямую к Хутко-Зничке. Я в первый раз как заметил, так и проследил издали. Прямо к нему. Стоит, сперва долго смотрит. Потом руку кладет на плиту. Может постоять так, поговорить минут пять. Я к памятнику потом подошел — там ничего, пыль да мох. Ни цветочка, ни свечки. Зброшенная могилка такая...

— И на этом вся твоя история? — с нарочитым спокойствием спросил Альберт Петрович, хотя внутри уже кипело неприятное шекотливое чувство. — Грустит дамочка об утраченной поэзии, вспоминает. Может, филолог она, может, историк какой. Или родственница в конце концов.

— Так-то оно так. — Юра замылся, покрутив в руках фуражку. — Да вчера она была с... угощением.

— С каким угощением?

— Белые пирожные и... бутылка вина. И два бокала в чехольчиках бархатных. — Юра произнес это шепотом. — Подошла к постаменту, налила в оба бокала. Один себе, другой к надгробию поставила. Сидела, попивала, что-то рассказывала, смеялась. Я тут же подошел к барышне. Вежливо так: «Гражданка, у нас распитие запрещено законом, время и место неподходящие». А она на меня взглянула — глазки чистые, ясные — и говорит: «Простите, я не знала. У нас с Владимиром был особый повод, небольшой романтичный праздник. Свидание...»

Тишина в кабинете повисла густая, уж больно напоминающая обеденный кисель. Альберт Петрович откинулся на спинку кресла, и скрип кожаной обивки прозвучал наверняка громко.

— Свидание, значит, — повторил он без интонации. — Романтическое... С покойником. Позапрошлого века.

— А я о чем! — оживился Юра. — Я ей так и сказал! Мол, гражданка, может, вам не сюда, а это самое...

к врачу, в Новинки?* Она не обиделась даже, улыбнулась мне и говорит: «Вам, вероятно, кажется, что я ненормальная. Но он меня сегодня правда очень ждал». Собрала свои бокалы, бутылку, пирожные — все осталось чистенько, я проверил — и ушла. А я, значит, в этих интернетах вечером глянул... Да вы, Петрович, вот сами гляньте.

Он достал из кармана смартфон в потрепанном чехле-книжке, потыкал пальцем и протянул зрителю. На экране мелькали кадры, снятые, судя по ракурсам, из окон соседних домов. Та самая женщина в светлом пальто, с изящной укладкой, под арию *The Phantom of the Opera*** изящно стоит у старого камня, держит бокал. Под видео — уже сотни комментариев. «Вау, вдова вампира?», «Не зовите меня на вечеринку, если она не похожа на...», «Это же кладбище на Козлова? Ищу фотографа для такой съемки», «Кошмар, до чего дожили! Позор!!»

Альберт Петрович почувствовал, как по спине побежал холодок, несмотря на духоту кабинета. Пока что не скандал. Но уже повод для пересудов. Уже пятно на репутации. Уже — пища для зубоскальства его коллег-зрителей, которые только и ждут, чтобы ткнуть носом в его беду: «Что, Петрович, не только титул потерял, но и порядок в царстве мертвых не можешь сохранить? Развел у себя шуры-муры с призраками!».

— Хорошо, Юра, — сказал он, возвращая телефон. Голос его звучал устало и сухо. — Дежурить усиленно. Как увидишь ее снова — пиши, звони мне. И чтоб никаких новых

* Новинками в Минске принято называть психоневрологический диспансер в одноименном районе.

** Песня из мюзикла по роману Гастона Леру «Призрак оперы», в котором герои ищут разгадку тайны призрака театра: существует ли призрак, а может, за ним прячется человек, или все вовсе является затейливым розыгрышем.

поводов для видео. И без фотосессий. И уж тем более без романтических свиданий! Особенно таких.

Когда охранник ушел, Альберт Петрович долго сидел, глядя в запыленное окно на ряды памятников. Сумерки опять сгушались, налипая на камни сизым влажным налетом. Покой. Вечный, как ни странно. И в этот покой, точно жестяная стружка в отлаженный механизм, вонзилась эта «мадам». Он мысленно еще раз пробежался по списку почтенных авторов, покоящихся под его надзором. Почему она ходит к совершенно неприметному Хутко-Зничку? Не к Коласу, не к Купале...

Ощущение помехи медленно перерастало в нервное, щемящее напряжение. Титул был потерян. Под угрозой упорядоченная жизнь некрополя. И он этого так просто не оставит!

Ожидание растянулось на три дня, которые Альберт Петрович провел в состоянии томительного, почти болезненного любопытства, смешанного с досадой. Он ловил себя на том, что во время обхода невольно сворачивает к старому сектору и бросает взгляд на тот самый, ничем не примечательный камень с полустертой эпитафией «Владимир Хутко-Зничка. 1843—1872. *И сердце мое, точно ветер, уходит в железные дали...*». Быстрый поиск в сети выдал, что последняя строка из его единственного сборника «Железные души». Могила была типичной для забытых одиноких усопших: небольшой памятник покосился от времени, порос темным зеленым мхом, в цветочном углублении аккуратно стояла веточка камелии, которую на днях принесла та самая «мадам». Никакой тайны, кроме привычного забвения и равнодушия большинства.

На четвертый день, под вечер, когда солнце, выглянув на минутку из-за туч, окрасило гранитные плиты в мягкий медовый цвет, Юра, запыхавшись, доложил: идет.

Альберт Петрович, отложив в сторону ведомость по замене лампочек, вышел из конторы без пальто, в одном служебном пиджаке. Он двигался неспешно, с видом начальника, совершающего плановый обход, но сердце его стучало глухо и часто, словно он шел не на встречу со странной посетительницей, а на первую в жизни хирургическую операцию.

Картина была точь-в-точь как в описании Юры, но живую еще более вызывающе нелепой и в то же время завораживающей. Молодая женщина стояла у плиты в не по сезону легком элегантном пальто песочного цвета, с шелковым платком на голове. Она не плакала, не шептала заклинаний, как некоторые здешние. Она просто смотрела на камень с тихим, сосредоточенным вниманием, будто читала невидимый текст. От нее шел яркий шлейф цветочного, но терпкого, дорогого парфюма, абсолютно чуждого здешним запахам сырости, старого железа и ладана. А после она наклонилась ближе и медленно подняла с земли... Конверт? Но откуда он?..

— Добрый вечер, — произнес наблюдатель, приблизившись, — я наблюдатель кладбища, Альберт Петрович.

Она вздрогнула и обернулась. Лицо у нее было и впрямь приятное, интеллигентное, с большими светло-серыми глазами, в которых отражалось скорее удивление, нежели испуг.

— А... Здравствуйте, — сказала она голосом мягким, немного сбитым с толку. — Что-то случилось?

— В некотором роде, — кивнул Альберт Петрович, стараясь придать своему тону ровную, деловую интонацию. — Мои сотрудники обратили внимание, что вы... регулярно навещаете эту могилу. И в последний раз ваше посещение носило несколько... нестандартный характер. С некоторыми напитками.

На ее щеках выступил легкий, смущенный румянец. Она опустила глаза на конверт в своих руках.

— Да, это было глупо с моей стороны, — тихо призналась она. — Я понимаю, как это выглядело... Просто... это была наша дата. Полгода с первого письма.

— Первого письма? — Альберт Петрович почувствовал, как почва под ногами, и без того зыбкая, окончательно поплыла. — Вы хотите сказать, что переписываетесь? С Владимиром Хутко-Зничкой?

Она посмотрела на него прямо, и в этом взгляде не было ни безумия, ни вызова. Была лишь твердая, непоколебимая уверенность, от которой становилось как-то не по себе.

— А что же, если и так... Он пишет мне. Оставляет письмо здесь, у камня. И бывают к тому же небольшие подарки.

Ветер, холодный и резкий, донес с улиц запах трамвайных путей и городского смога. Альберт Петрович с трудом сдержал вздох.

— Милочка, как вас зовут?

— Вероника.

— Вероника... Понимаете, то, что вы говорите... Это звучит довольно, так скажем, необычно. Человек, чьи даты жизни указаны на этом камне, умер более ста пятидесяти лет назад. Боюсь, он физически не может писать вам, как бы сам того ни хотел.

— Поверьте, я знаю, как это звучит, — отозвалась она, и в ее голосе впервые прозвучали нотки легкого раздражения, какое бывает у ученого, которому оппонент тычет в глаза азбучными истинами. — Я сама сначала не верила. Думала, чья-то дурацкая шутка. Но... Посмотрите сами.

Она отложила свое письмо в карман пальто и достала из изящной маленькой сумки сложенный вчетверо листок. Бумага была не современная, а плотная, желтоватая, с неровными краями, будто оторванная от старого альбома. Смотритель, испытывая смесь острого любопытства и глубочайшего профессионального неприятия всей этой мистификации, взял лист. Почерк был старомодный: буквы

с вензелями, выведенные, несомненно, пером и чернилами. Содержание повергло его в полный ступор. Это были строки страстного, немного высокопарного, в духе символизма прошлых веков, любовного послания. «Мой светлый ангел, Вероника... Ласковый луч моего царства тьмы! Твой образ, будто забытая мелодия, терзает стены моего замершего сердца... Будучи мертвым, погибаю от невозможности узреть тебя еще хотя бы раз...» Петрович съехался от этой напыщенности. Тем не менее текст был красив. Такой почерк требовал либо таланта, либо огромного старания.

— Видите? — тихо спросила Вероника, забирая обратно письмо. — Это его стиль. Вы наверняка не читали сборник «Железные души», но там те же образы, тот же строй фраз. Это — он.

— Это скорее искусная подделка, — возразил Альберт Петрович. — Кто-то... разыгрывает вас. Изучил творчество поэта и...

— И зачем? — перебила она, и в ее глазах вспыхнул огонь упрямой веры в свою правоту. — Кому нужна такая сложная, долгоиграющая шутка? Чтобы подкладывать мне через могилу незнакомого человека письма, цветы, шоколад? Чтобы дарить вот это?

Она вновь полезла в сумку и достала маленькую изумрудную шкатулку. Открыв ее, она показала изящную старинную брошь в виде стрекозы с крошечными сапфировыми вставками. Вещь выглядела ценной и абсолютно неуместной здесь, среди мартовской грязи и изморози.

Альберт Петрович молчал. Все его логичные, приземленные аргументы разбились об эту тихую уверенность, о материальные, хоть и абсурдные, доказательства. Ветер усилился, зашелестел прошлогодней листвой под ногами. Сумерки сгущались, превращая аллею в туннель из темных загадочных силуэтов.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

